

А. М.
РЕМИЗОВ
СОЧИНЕНИЯ

А. М. Ремизов

А. М. Ремизов. Париж. 1938 г.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

А.М. Р
ЕМИЗОВ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ЛИМОНАРЬ

МОСКВА
•РУССКАЯ КНИГА•
2001

Руководитель программы **Михаил Ненашев**

Редакционная коллегия:

А. М. Грачева (главный редактор), **Т. Г. Иванова**, **А. В. Лавров**,
Н. Н. Скатов, **О. П. Раевская-Хьюз**, **Н. М. Солнцева**

Издание подготовлено при содействии **Б. Б. Бунич-Ремизова**,
Е. Д. Резникова, **А. Д. Резникова**

Подготовка текста произведений «Лимонарь», «Хождение Богородицы по мукам», «Повесть о двух зверях. Ихнелат», «Бесноватые: Савва Грудцын и Соломония», «Мелюзина. Бруншвик», «Тристан и Исольда. Бова Королевич», «О Петре и Февронии Муромских», «Григорий и Ксения», «Круг счастья. Книга о царе Соломоне», статья, комментарии **А. М. Грачевой**.

Подготовка текста сборника «Николины притчи», комментарии, подготовка текста книги «Образ Николая Чудотворца», вступительная статья **О. П. Раевской-Хьюз**.

Подготовка текста произведений «Свет неприкосновенный», «Свет не вечерний», «Цепь золотая», «Трава-мурава», комментарии **О. А. Линдеберг**.

Техническая подготовка тома **О. А. Линдеберг**
Оформление **Г. Л. Шацкого**, **Е. В. Полякова**
Ответственный редактор тома **А. М. Грачева**

Ремизов А. М.

Р 38 Собрание сочинений. Т. 6. Лимонарь. — М.: Русская книга, 2001. — 784 с., 1 л. портр.

В настоящий том Собрания сочинений А. М. Ремизова вошли его книги, основанные на народных легендах, апокрифах, повестях и других произведениях древнерусской литературы. С начала XX в. писатель поставил целью раскрыть современному читателю мир народной христианской культуры — неисчерпаемой сокровищницы религиозных и философских идей, нравственных и эстетических ценностей. В издание включены и известные сборники ремизовских переработок древних литературных и фольклорных текстов («Лимонарь», «Николины притчи»), и забытые («Трава-мурава»). Впервые целиком публикуется его последний цикл «Легенды в веках» (1947—1957). Также впервые в России издается книга-эссе «Образ Николая Чудотворца».

ISBN 5-268-00495-6

ISBN 5-268-00482-X

УДК 82

ББК 84Р

- © Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Собрание сочинений А. М. Ремизова, 2001 г.
- © Издательство «Русская книга», Собрание сочинений А. М. Ремизова, 2001 г.
- © Грачева А. М., подготовка текста, статья, комментарии, 2001 г.
- © Раевская-Хьюз О. П., подготовка текста, комментарии, 2001 г.
- © Линдеберг О. А., подготовка текста, комментарии, 2001 г.

О ЧЕЛОВЕКЕ, БОГЕ И О СУДЬБЕ: АПОКРИФЫ И ЛЕГЕНДЫ АЛЕКСЕЯ РЕМИЗОВА

«...и он воскликнул к Спасову образу, как к живому:
— Господи, видишь, я изобразил лик Твой, каким ты
был на земле!

И внезапно столп огнен стал вверху над образом, и
был тихий глас:

— А ты когда меня видел?»

Алексей Ремизов. «Лей иконописец»

Место и время рождения и детства Алексея Ремизова — Замоскворечье, рубеж 70—80-х гг. XIX в. Ближайшее окружение — московская купеческая среда. Это были потомки крепостных крестьян, мастеровых, талантом, силой характера и, одновременно, жестокостью и лукавством сумевших переиграть суженое им «Горе-злочастие», «выломиться» из массы и добиться иной доли. Они достигали жизненных благ, а вслед за этим следовало столь же сильное стремление к благам духовным — к образованию, к накоплению не только материальных богатств, но и произведений искусства, к меценатству. Именно тогда в Москве бурно развивались промышленность, торговля, и одновременно начался расцвет коллекционерства. Это было время, когда формировались известные художественные собрания, такие, как впоследствии переданная в дар городу Москве «Третьяковская галерея», когда складывались знаменитые частные библиотеки, как, например, библиотека Н. А. Найденова, в дальнейшем вошедшая в состав фондов Российской Государственной библиотеки. Неустанный труд, постоянное стремление к действию, энергия и упорство в достижении целей — таковы были «заветы» отцов, воспринятые и преумноженные потомками удачливых выходцев из народной среды.

Но та же среда оставила им в наследство и другие «заветы» — покорность судьбе-Доле, смирение, долготерпение с фаталистической надеждой на авось, небось и чью-то высшую волю, которой дано право судить и распоряжаться человеком. На практике это проявлялось во множестве судебных, сломанных волей отцов или чужих «злых людей». Те, кто имел такую

«долю», влачили существование или уходили от реальности в разные виды саморазрушения, «загула», наиболее традиционным видом которого было пьянство.

По сути, эта полярность была проявлением коренных черт русского национального характера, в котором начала древние, восходившие к временам складывания русской народности, соединялись с началами, истоки которых лежали в восприятии и аккумуляции христианского вероучения.

Антиномичные грани национального характера ярко проявились в характерах ближайших родственников писателя — Найденовых и Ремизовых. Если судьбы его дяди — Н. А. Найденова и его отца — М. А. Ремизова были яркими примерами реализации действенных, волевых начал, то жизнь его матери была воплощением как бы фатальной тяги к страданию и гибели.

Сколь бы ни были противоположны формы русского национального характера, одной из его первооснов оставалось православие в том его виде, как оно было воспринято народным мирозерцанием. При этом, если в сфере обрядности было необходимо следовать жестко установленному канону, то мифологическое по типу мировосприятия народное сознание было свободно в осмыслении, развитии, приспособлении к своему понятийному уровню, духовным запросам и дальнейшему распространению сведений о лицах, событиях, явлениях, о которых лишь кратко упоминалось или вообще не говорилось в Священном Писании и Предании. Часть дополнительных, неканонических знаний была воспринята народным сознанием через древнерусскую литературу из наследия Византии, которая, в свою очередь, заимствовала многое из достояния эпохи раннего христианства. Другая часть являлась результатом собственного, большей частью, фольклорного творчества.

На Руси, а затем в России в народе были популярны «душеполезные» устные, а также книжные рассказы и повествования религиозного характера. Русские ученые XIX в. назвали их, по аналогии с средневековой западноевропейской традицией, «*легендами*» (от лат. «*legenda*» — то, что должно читать). Известный филолог А. Кирпичников отмечал: «В южнославянских землях и в древней России довольно многочисленные легенды, переведенные с греческого, а также составленные по образцу их, переписываются в продолжение ряда веков, но изменяются только в незначительных подробностях, и большинство их остается памятниками чисто книжными. Таковы сказания, повести, притчи, приповести <...> Только некоторая часть книжных легенд <...> проникает в народ. Но проникает глубоко и переделывается или в духовные стихи, или в духовные сказки, иначе называемые народными легендами, которые по свойствам своей легко по-

движной формы и способу передачи значительно дальше отходят от своих источников»¹.

Особым видом религиозной легенды были *апокрифы* — разнообразные по жанру произведения, признававшиеся церковью неканоническими и включавшиеся в индексы (списки) запрещенных книг. В апокрифах рассказывались многочисленные, избыточные новыми подробностями истории о лицах и событиях Ветхого и Нового Завета (например, о детстве Богородицы и Христа, о его сошествии во ад, о посещении апостолом Павлом ада и рая, а пророком Исаией — семи небес, о видении монахом Григорием грядущего Страшного Суда и Второго Пришествия и т. д.). Апокрифы также сохраняли память о воззрениях, концепциях религиозных и философских учений, признанных церковью еретическими. То были «отреченные» представления о Боге и его вечном противнике дьяволе, о сотворении вселенной и мира, о создании тварей земных и человека. В Древней Руси апокрифы пользовались большой популярностью, многократно перечитывались и переписывались, служили источниками сюжетов икон и храмовых росписей. И в послепетровское время они продолжали воздействовать на фольклор и литературу.

С детства Алексей Ремизов находился в атмосфере повседневной жизни православной купеческой семьи, истово исполнявшей положенные церковные обряды. Одновременно он впитывал в себя разнообразные сведения и представления народного христианства, которое составляло существенную часть мирозерцания и его домашних, и, в особенности, «людей из народа» (прислуги, фабричных, монахов Андроникова монастыря, ближайшего к дому семьи Ремизовых), с которыми Алексей постоянно общался. «Всякий раз, — вспоминал Ремизов, — как приезжала кормилица из калужской деревни на побывку к мужу, она заходила к нам <...>. Жесткими пальцами гладила она меня по носу <...> И мне было приятно, и я подставлял ей свой сломанный нос. Нянька <...> качала головой: „За озорство покарал Бог, и останешься таким до Второго пришествия, Страшного Суда Господня!“. Я представлял себе „страшный суд“ очень далеким, — „когда я буду, как нянька“, но всякий раз при упоминании о „суде“, о котором я наслушался из Четий-Миней, меня охватывало горькое живое чувство: „кончится мир“ — „кончился мир!“. Покаранный за озорство <...>, я как бы присутствовал на Страшном Суде и гладил себя пальцами по носу, как меня гладила кормилица»². Такими — органичными и естественными — были первоисточки последующих ремизовских «фантазий» — «воспоминаний» о своем присутствии, как оче-

¹ Кирпичников А. Легенда / Энциклопедический словарь изд. Брокгауз и Эфрон. СПб., 1896. Т. XVII. С. 455.

² Ремизов А. Подстриженными глазами. Париж, 1951. С. 31.

видца или участника, в момент свершения события, давно минувшего или лишь чаемого в далеком грядущем. Услышанные рассказы — легенды, апокрифы, духовные стихи о жизни ветхих и новозаветных лиц, о страданиях мучеников за веру и подвигах ушедших от мира праведников — стали для Алексея основой личностного восприятия и «очеловечивания» догматических абстракций, сложных для детского миропонимания.

Качественно новый, идущий от разума, «научный» этап освоения народного христианства наступил для Ремизова тогда, когда он, увлеченный революционным деянием и стремившийся «пострадать за правое дело», оказался в 1901 г. в вологодской ссылке. Там начался процесс пересмотра его отношения к методам насильственного переустройства мира, процесс, который совпал со знаменательным знакомством с товарищем по ссылке, впоследствии известным историком П. Е. Щеголевым. В Петербургском университете молодой ученый занимался изучением апокрифических сочинений, сохранившихся в древнерусской литературе. Именно он — один из наиболее многообещающих учеников академика А. Н. Веселовского — открыл для Ремизова книгу своего учителя — «Разыскания в области русского духовного стиха» (СПб., 1880—1891). Это исследование было, одновременно, своего рода энциклопедией, в которой были собраны и интерпретированы сведения о многообразных легендах, существовавших в народе как в виде письменных апокрифических памятников, так и в виде разнообразных фольклорных форм — духовных стихов, плачей, календарной обрядовой поэзии. В частности, в значительном количестве пересказанных или приводимых в подлинниках легенд были отражены теогонические, космогонические, эсхатологические и др. представления средневековой ереси богомилов — наследников и последователей древних религиозно-философских учений гностиков. Согласно дуалистическим верованиям богомилов, Бог и Сатанаил принимали равное участие в создании мира и человека, а после того все сотворенное оказалось во власти более активной силы — Сатанаила. Знакомство с такими воззрениями пришлось на период мировоззренческого кризиса Ремизова. В то время, когда другой вологодский знакомый начинающего писателя — Б. В. Савинков, придя к выводу о необходимости энергичного деяния, обдумывал создание эсеровской Боевой организации, впоследствии потрясшей Россию серией громких террористических актов, Ремизов сознательно отошел от революционной деятельности, подведя под этот свой шаг философскую базу — включив революционное насилие, как подвид, в категорию мирового Зла. Но отвергнув прежние догматы, недавний революционер не находил объяснения причин и путей избавления людей от безмерных страданий. Он искал решения вечной проблемы теодицеи — «оправдания» Бога, допуская существование и торжество Зла.

В результате религиозные воззрения самого Ремизова приобрели еретический характер, что нашло выражение в его раннем творчестве, в частности, в романе «Пруд» (1-я редакция — 1902—1903) и сборнике «Лимонарь» (1907).

Создание «Лимонаря» пришлось на 1906—1907 гг. — время трагического финала Первой русской революции. Вошедшие в сборник ремизовские авторские апокрифы повествовали о природных процессах и явлениях — об образовании месяца и звезд; о зарождении вихря и грома; о сотворении человека и животных; о возникновении болезней. Но рассказ о природных явлениях был лишь первой понятийной ступенью повествования. Следующей ступенью был миф — рассказ о перво-событиях и перво-героях — о царевне Иродиаде, обреченной на вечную безумную пляску; о гневавшемся Пророке Илье, так и не способном узнать день своей памяти; о Богородице, чья золотая пряжа и похитившие ее соколы каждую ясную ночь видны на небе. Но существовал и третий уровень обобщения — все мифологические легенды были частными проекциями единого целого — онтологической концепции автора, нашедшей завершённое выражение в финальном апокрифе «О страстях Господних».

Согласно тогдашним ремизовским религиозно-философским воззрениям, восходившим к богомольским и другим еретическим учениям, а также к гностикам, Бог создал мир и устранился от него, предоставив дальнейшее деяние своему «собрату»-антагонисту. Последователи ересей, изучением которых занимался писатель, отрицали догмат о Пресвятой и Неразделимой Троице, в которой Бог был един в трех ипостасях. Согласно православному догматическому богословию, «Образ существования Бога как Отца выражается в понятии нерожденности; как Сына — в понятии рождения Его от Отца; как Св. Духа — в понятии исхождения Его от Отца»¹. Одним из вопросов, затрагивавшимся еретическими учениями, был вопрос о соотношении Человеческого и Божественного в природе Сына Божия, о сути его смерти и судьбе его плоти. В некоторых учениях такого рода утверждалось, что она, как всякая земная плоть, была подвержена гниению.

В ремизовском апокрифе «О страстях Господних» Бог-Отец допустил распятие Сына Божьего, а в конце отдал Его во власть смерти и торжествующего Сатанаила. Кульминацией апокрифа была картина вселенски торжествующего Зла: «На вершине у подножия престола встал Сатанаил и, указуя народам подлунной <...> на ужасный труп в царской одежде, возвестил громким голосом: /— Се Царь ваш! / А с престола на метущиеся волны голов и простертые руки смотрели оловянные огромные очи

---

¹ Лепорский П. И. Троица / Христианство. Энциклопедический словарь. М., 1995. Т. 3. С. 393.

бездушного разложившегося тела. И в ярком свете <...> — скелет в терновом венце»¹. В ремизовском апокрифе (в том его первоначальном «доцензурном» виде, как он был создан автором²) не происходило главного мирового события — Воскресения Христова, и, тем самым, не совершалось искупления первородного греха. Весь сборник был целостным текстом — притчей, которая повествовала о революции как проявлении деяния, но деяния мирового Зла. Последний апокриф «Лимонаря» заканчивался безнадежным плачем потерявшей сына Богородицы. Таким образом, в теогонии раннего Ремизова Бог-Отец оставался бездеятельным потому, что он был равнодушен к судьбе сотворенного им мира, а Богородица, так же как Сын Божий Иисус Христос представляли трагическими страдательными фигурами. Активно и деятельно было лишь мировое Зло, воплощенное в Сатанаиле и его присных.

Однако подобная безнадежно-пессимистическая концепция ремизовской теогонии постепенно начала меняться за счет поиска и обретения Божественных воплощений деятельного Добра.

С середины 1900-х гг. у Ремизова сформировалось и в каких-то существенных чертах осталось неизменным до конца его жизни представление об особой роли Богородицы как Божественной заступницы за мир и людей. Внимание писателя привлекло знаменитое «Хождение Богородицы по мукам». Как отмечал исследователь апокрифических сказаний о Богородице В. Сахаров, «главный предмет апокрифа есть изображение ходатайства пред Богом Пресв. Богородицы за грешный род человеческий. <...> В Древней Руси апокрифы, подобные хождению Богородицы, пользовались широким распространением и имели массу читателей <...> Текст легенды хождение Богородицы дал содержание миниатюрным изображениям; но особенно повесть эта послужила обильным источником для возвышенной национальной поэзии древней Руси»³. «Хождение Богородицы» нашло отклик и в новой русской литературе. Достаточно указать на значение этого апокрифа в религиозно-философской концепции позднего творчества Ф. М. Достоевского. Это наиболее ярко проявилось в романе «Братья Карамазовы», где Иван точно пересказывал сюжет «Хождения Богородицы» перед изложением своей легенды о Великом Инквизиторе: «...плачущая Богоматерь падает пред престолом Божиим, и просит всем во аде помилования, всем, которых она увидела там, без различия. Разговор ее с Богом колоссально интересен. Она умоляет, она не отходит,

---

¹ Ремизов А. Лимонарь. СПб., 1907. С. 102—103.

² О корректировке, внесенной Ремизовым в текст апокрифа по требованию Вяч. Иванова, см. коммент. к циклу «Лимонарь». С. 665 наст. изд.

³ Сахаров В. Апокрифические и легендарные сказания о Пресвятой Деве Марии, особенно распространенные в древней Руси. СПб., 1888. С. 109—110.

и когда Бог указывает ей на пригвожденные руки и ноги ее сына и спрашивает: как я прощу его мучителей, — то она велит всем святым, всем мученикам, всем ангелам и архангелам пасть вместе с нею и молить о помиловании всех без разбора. Кончается тем, что она вымаливает у Бога остановку мук на всякий год от Великой пятницы до Троицына дня, а грешники из ада тут же благодарят Господа и вопиют к нему: „Прав ты, Господи, что так судил!“¹.

Основой *ремизовского* прочтения древнего текста стала ключевая фраза, сказанная Богородицей в процессе моления за страдающих в аду: «Хочу мучиться с грешными!». В текстисточнике Божия Матерь в конце концов покидала ад и возвращалась в рай, занимая свое место рядом с Богом. У Ремизова же она совершала деяние, осуществляя свое пожелание-угрозу. Так как Бог не прощал «забытых» им или «забывших» его, то *Богородица отказывалась от рая и оставалась в аду* — «мучиться с грешными». В меняющейся ремизовской теогонии Богородица стала первой Божественной силой, которая активно вмешивалась в человеческую судьбу, была заступницей за людей перед Богом и, если была бессильна избавить род людской от страданий, то принимала их и на свои плечи.

С середины 1910-х гг. важной составляющей художественного творчества Ремизова стал излюбленный в народном христианстве сюжет явления Воскресшего Христа людям в прежнем человеческом облике — его ежегодных в период от Пасхи до Преображения странствований по земле для наблюдения за их делами. До Ремизова в русской литературной традиции этот сюжет наиболее программно и значимо прозвучал в стихотворении Ф. И. Тютчева:

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа —
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!
<.....>
Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь Небесный
Исходил, благословляя².

Одновременно с обращением писателя к сюжетам народных легенд о земных странствиях Христа в творчество Ремизова вошел образ одного из постоянных спутников Спасителя — второго Божественного заступника и ходатая перед Богом за

¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. В 30 т. Л., 1976. Т. 14. Кн. V. С. 225.

² Тютчев Ф. И. Полн. собр. соч. Под ред. П. В. Быкова. СПб., 1913. С. 126.

человека — Святого Николая Угодника. Как отмечал писатель в своем исследовании-эссе «Образ Николая Чудотворца»: «„Христос“ — это очень высоко и очень требовательно. И только на высоте духа среди избранных глаза обращены ко Христу, и через подвиг или особой благодарностью чистое сердце видит Христа и слова сердца прямо Христу. <...> Но для простого-то человека в обыкновенной жизни среди терпения и труда жизни, с вечной жалобой и тревогой, и как часто в сущности с пустяками, которые только кажутся очень важными (все по разумию и неразумению человека, а таких большинство!), с вечным голодом и жаждой утешения и с верой в скорую неотложную помощь — ну, хотя бы немного! <...> надо пощады, отзывчивости, внимания — такая жизнь идет на земле, очень жить трудно, опасно, неуверенно — и еще — ведь есть же в ком-нибудь мужество и бесстрашие перед людьми, кто рассудит и заступится, и не только перед людьми. И носителем такой человечности и человека сделался Николай-чудотворец — „Новый Спаситель“, замещающий Христа на земле, предстатель перед недостижимым Судией-Христом, заступник за все бесчисленные немудреные жизни, за человека <...> вошла Богородица в Христову церковь, не как символ, а как осязаемо-живое и всем близкое — Мать Божия. <...> И в дом Богородицы — в Христову церковь вошел Николай-чудотворец!»¹.

В легендах Христос и Николай Угодник вместе бродили по русской земле, деятельно вмешиваясь в повседневную народную жизнь, помогая крестьянину в его труде, во взаимоотношениях с друзьями и врагами, в жизни и в смерти.

Начиная с середины 1900-х гг. и до конца жизни Ремизов создавал свои варианты легенд о Св. Николае Угоднике. Отдельные журнальные и газетные публикации концентрировались в циклы, наиболее законченным из которых стала книга «Николины притчи» (1917).

Если в народных легендах Никола выступал как верный соратник и последователь Христа, то их взаимоотношения в ремизовских рассказах были сложнее и драматичнее. Не случайно «Николины притчи» открывались эпиграфом: «— А що буде, як Бог помре? / А Микола Святый на що?». Ремизовскому Христу были присущи черты Судии, сохранявшего Божественный ригоризм в своем отношении к человеку. Ремизовский Никола зачастую не соглашался и полемизировал с Христом. Позиция сострадания и милосердия к мающемуся на земле люду противостояла позиции Высшей справедливости, подразумевавшей окончательный приговор — Последний Суд над человеком. Такова, например, суть конфликта Христа и Николы в легенде «Никола Милостивый». Странники переночевали у бедной сол-

¹ Ремизов А. Образ Николая Чудотворца. Париж, МСМXXXI. С. 20—23.

датки, а наутро Господь повелел голодному волку съесть единственную кормилицу солдатки — корову. На упрек своего спутника в несправедливости Христос ответил, что поступил согласно Божественному Промыслу: «нет ей талана на сем свете, пусть бедует до времени»¹. Потом они нашли бочку золота, и Богочеловек отдал его богатому мельнику, снова ссылаясь на Божественные предначертания. После того Господь показал Николе райский сад, где они встретили солдатку, и змеиный колодец, где мучился богатый мельник. Это — *тот* свет, где каждому воздано по его грехам или добродетелям. Но ремизовский Никола, как и его народный прототип, весь обращен к страждущему *этому* свету — к земле, где он неустанно помогает людям не только переносить, но и преодолевать свою горькую долю. В сконцентрированном виде это выражено в легенде «Никола Угодник». Господь собрал всех святых на праздник, и лишь Никола опоздал на него. На вопрос, чем он был занят, Святой ответил: «Все с своими мучился <...> пропавший народ: вор на воре, разбойник на разбойнике, грабят, жгут, убивают, брат на брата, сын на отца, отец на сына! <...> Велел мне ангел Господен истребить весь русский народ, да простил я им, <...> больно уж мучаются»².

По Ремизову, Богородица и Никола Угодник — действенные заступники, вечные посредники между максималистским в своих требованиях Богом и далеким от совершенства человечеством.

С самого начала творческого пути кроме художественного познания сущности и качеств «Божественной вертикали» писателя интересовала и пересекающая ее «человеческая горизонталь». В его художественном мышлении присутствовала подвижная система координат, определяемая парадигмами: Бог — человек; человек — человек; человек — Бог.

С 1910—1912 гг., когда в Санкт-Петербургском Археологическом Институте Ремизов вместе с женой С. П. Ремизовой-Довгелло постиг премудрости русской палеографии — чтения старинных славянских манускриптов, а также вошел в круг ученых-медиевистов, для него мир легенд и апокрифов расширился за счет того множества текстов, которые сохранились только в рукописной традиции. Среди памятников древнерусской литературы примечательное место занимали повести и сказания о ветхо- и новозаветных лицах, в которых раскрывались тесные контакты между Богом и Человеком в перво-времена после сотворения мира. В апокрифах эти соприкосновения двух разновеликих сил носили характер интимно-близкий, психологически доступный восприятию современного человека. Характерный пример — апокрифическое сказание из цикла о праотце

¹ Ремизов А. Николины притчи. СПб., МСМХVII. С. 65.

² Там же. С. 12.

Аврааме — «Прием и угощение трех странников», основанное на библейском сюжете явления Аврааму трех странников-ангелов, в новозаветной традиции толкуемых как символ Троицы (вспомним знаменитую икону Андрея Рублева). В апокрифе мистическая символика Ветхого Завета трансформировалась в понятные читателю перипетии истории, почти анекдота о безуспешных проделках зловредного противника Бога: «Авраам так любил принимать странников, что, если не было странников, не хотел и садиться за стол и часто по два и по три дня оставался без пищи. Так как дьявол, желая досадить Аврааму, заграждал странникам путь к нему, то он сам [т. е. Авраам. — А. Г.] выходил на дорогу встретить странников»¹.

В древних текстах человек предстал не только покорным исполнителем высших предначертаний, но и личностью, в полной мере реализующей дарованное ему Богом право свободы воли как свободы выбора между Добром и Злом.

В поисках людей, «творящих дело души своей», Ремизов обратился к сборникам рассказов о жизни и духовных подвигах раннехристианских подвижников — Патерикам и Прологам. В них предстала яркая, полная драматизма и психологической остроты картина борьбы героев с бесовскими искушениями, предстающими в разных ипостасях человеческих страстей и слабостей. Так, в рассказе «Едина ночь» великий грешник князь Олоний решал переменить свою судьбу — спасти свою душу — и выдерживал долгую ночь дьявольских испытаний. Монахиня — героиня рассказа «Покаяние», поддавшись искушениям, вела грешную жизнь в миру, но перед смертью решала вернуться в монастырь и умирала на его пороге. Ангелы и бесы спорили над ее телом: куда — в рай или ад должна попасть ее душа. Победа оставалась за ангелами, указавшими своим противникам на ее раскаяние. В рассказе «Ученик» прославленный старец позавидовал другому черноризцу, временно поселившемуся в его летней келье и добившемуся успеха как блестящий проповедник. Недовольство переросло в зависть, и старец велел пришельцу освободить занятое обиталище. Но его ученик, действуя как бы от лица наставника, попросил странника не уйти, а, наоборот, поселиться вместе с ними в теплом зимнем пристанище. «И виде Господь дело ученика того, вложил в ум старцу свет свой и разверзся разум ему, умилился старец <...> и угощал странника <...> и полюбил его»². В древних сюжетах Ремизов нашел источник реализации одной из главных, по его мнению, евангельских истин: «вера без дела мертва». Духовное деяние, нравственное изменение себя и мира — вот, по мысли Ремизова,

¹ Порфирьев И. Я. Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях. СПб., 1877. С. 57.

² Ремизов А. Весеннее порошье. СПб., 1915. С. 139.

путь к Преображению и Воскресению. Призывом к такому деянию заканчивался его рассказ «Святая тыковь» — об исчезнувшем Св. Граале — бесценном сосуде с Христовой кровью, способном спасти человечество. Что же делать людям, утратившим «Святую тыковь»? — Рассказ заканчивался ответом на этот вопрос: «Веруй и обрящешь, веруй, ступай — делай, ступай — трудись, стучи, ищи и найдешь, бодрствуй, молись, толкай и тебе откроется, и ты увидишь — воскрыленная подыметя на небеса святая тыковь с кровью Христовой и тогда свершится всему миру спасение»¹.

На протяжении 1910-х гг. Ремизов занимался переработкой древних сюжетов религиозных легенд и апокрифов, неустанно разыскивая их в старинных рукописях и старопечатных книгах. Так, например, в 1912 г. он писал своему другу — основателю Костромского Романовского музея, знатоку-книгочею И. А. Рязановскому: «Дорогой Иван Александрович! Покорнейшая просьба к Вам: спишите, пожалуйста, „слово святого Евагрия, еже не судите ближнему“ 26 сент<ября> [речь идет о Проложном тексте. — А. Г.]. Это ведь о том, как принес душу ангел старцу, осудившему человека? Если затруднит переписывать слово в слово, как там, то по-русски напишите. Я хочу соединить два рассказа в один»². Создавая свои варианты древних легенд, Ремизов считал своим нравственным долгом возвращение современному читателю того *душеполезного* в высоком смысле этого слова чтения, которое в начале XX в. оказалось для многих недоступным из-за языкового барьера между древней и новой литературой. Он тоже «творил дело души своей», хотя при публикации таких текстов далеко не всегда находил понимание со стороны редакторов газет и журналов.

Для Ремизова народное христианство было одной из духовных основ народного взгляда на происходящие события мировой и русской истории.

Первая мировая война, в которую в 1914 г. вступила Россия, предстала в его творчестве сквозь призму средневекового христианского символизма, который оставался живой составляющей народного миропонимания. Реальная война оценивалась Ремизовым, как жестокая бойня народов. Но у нее было и иное обличье, опиравшееся на давнюю русскую традицию мечтаний о восстановлении православия на захваченных неверными землях, о воскресении канувшего, как Китеж, полного знаменитых святых Царьграда. Именно в это время появился цикл ремизовских легенд о строительстве цареградского Храма Св. Софии. В письме к И. А. Рязановскому от 18 сентября 1914 г. Ремизов обращался к нему с просьбой: «Как я Вам буду благодарен за

¹ Ремизов А. Весеннее порошье.. С. 113.

² РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 32. Л. 35.

присылку сказаний о взятии Царьграда. Очень трудное время настало — единственная надежда на такие сказания, их напечатать»¹. В ремизовских повествованиях Храм Св. Софии — православная святыня, реально перестроенная в мечеть, существующая только в народной памяти, в духовных стихах и сказаниях, — предстал как нетленная ценность, думы о которой поддерживали дух русских воинов.

Новое революционное действо — Февральскую революцию 1917 г. Ремизов с самого начала осмыслял в категориях, сложившихся еще в период предшествующей революции, также пытавшейся принудительно учредить «Царство Божие на земле». Писатель видел происходящее как бы сквозь призму отношения к нему двух главных Божественных заступников русского народа: Богородицы и Св. Николая Угодника. В известной дневниковой записи от 11 июня 1917 г. он отметил: «Божия Матерь, как воплощение совести, хождение ее по мукам и есть образец того, что никогда неосуществимо царствие Божие при наших условиях на нелегкой земле» (Дневник. С. 438). По Ремизову, творимое в стране предстало как дело, противоречившее истинным народным чаяниям, поэтому вечные заступники России, скорбя, отступались от нее.

В Дневнике писателя наряду с записями о его жизни, с заметками-оценками политических событий фиксировались, в частности, в виде вклеенных газетных вырезок, сообщения о повсеместно учащавшихся актах вандализма над церковными святынями. Среди них особое место заняли свидетельства о надругательствах над иконами Св. Николая Угодника, совершавшихся и в провинции, и на московской Красной площади.

В ночь с 23 на 24 июня 1917 г. Ремизов имел видение, записанное в Дневнике:

«Распростертый крестом лежал я на великом поле и телом был я велик. В темноте горячей лежал я и вдруг стужа стрясла все мои члены. Голос услышал я из тьмы, старый дедов голос.

— Собери-ка, родимый, косточки матери нашей России.

И я подумал:

вот и я лежу п[отому] ч[то] я тоже кость от кости матери нашей России.

И стал я загребать кости — их великое множество тут и часы и самовары, загребаю, ой, не собрать всего.

А собрать надо, ч[тобы] вспырнуть живой водой.

— Собери-ка, родимый, потрудись! — опять слышу голос.

И вижу: это Никола Угодник скорбный стоит над Русью» (Дневник. С. 465).

Февральская революция и ее логичное продолжение — октябрьский большевистский переворот — изначально осмыслились

¹ РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 32. Л. 41.

Ремизовым в апокалиптических категориях, как начало Страшного Суда, свершаемого Богом над погрязшей в грехах Россией. Таков смысл его другого ночного видения, датированного июлем 1917 г.:

«Снилось мне ([1 нрзб.]) комната с двумя окнами, посреди зеркало. Я причесыв[ался] пер[ед] зерк[алом], выглянул в окно и вижу на небе огромный ключ, а у окна женщину с девочкой.

— Посмотрите на небе ключ?

Та смотрит, а ключа уже нет, исчез, а на его месте Б[ожья] М[атерь] такая же, как ключ, железная.

— Посмотрите Б[ожья] М[атерь] теперь!

А в это время и Б[ожья] М[атерь] исчезла, а стоит Христ[ос] золотой с огромным посохом и говорит:

— Становитесь на колени, сейчас будет конец света.

И тут же [?] люди оказали[сь], стали на колени.

А небо потемнело» (Дневник. С. 483).

Ремизов видел в происходившем проявление телеологически обусловленной судьбы России, которой суждено пройти путем страдания и через покаяние очиститься от грехов и быть прощенной. Однако для Ремизова принципиальным было то, что Бог оставил человеку свободу воли, предоставил ему выбор — покориться чужой воле или сопротивляться ей. Сам он противодействовал неприемлемым ему силам сначала средствами, доступными ему как писателю — своими произведениями, а потом осознанным действием — отъездом за границу.

В годы эмиграции эволюция художественного самопознания самого Ремизова и изменение читательской аудитории были причинами нового поворота в реализации его постоянного интереса к народным легендам. На рубеже 1920—1930-х гг. он создал несколько книг, являвшихся обобщениями одной из магистральных тем его творчества — темы Божественных посредников между Богом и человеком — Богородицы (книга «Звезда-Надзвездная», 1928) и Св. Николая Чудотворца («Звенигород окликанный», 1924; двухтомник «Три серпа», 1927). В значительной степени эти книги состояли из новых редакций дореволюционных ремизовских легенд.

Особое место в эмигрантском творчестве писателя заняло научно-художественное эссе «Образ Николая Чудотворца. Алатырь — камень русской веры» (1931), представляющее собой уникальный компендиум легендарных и исторических сведений о Св. Николае, изложение истории его почитания, вхождения Святого в пантеон русского народного христианства. При работе над этой книгой Ремизов пользовался огромной по объему справочной литературой и советами крупнейших славистов-медиевистов, таких, как, например, Пьер Паскаль и Борис Унбегаун. Последний считал, что, по сути, ремизов-

ское произведение по праву может быть защищено как докторская диссертация.

Финальный крупный цикл произведений, названный Ремизовым «Легенды в веках», был создан в 1947—1957 гг. и в совокупности представлял собой последнее художественное размышление писателя о человеке, Боге и о судьбе. В его состав вошли «Повесть о двух зверях. Ихнелат» (1947—1949), «Савва Грудцын» (1949), «Брунцвик» (1949), «Мелюзина» (1949—1950), «Бова Королевич» (1950—1951), «О Петре и Февронии Муромских» (1951), «Тристан и Исольда» (1951—1953), «Григорий и Ксения» (1954—1957). Основной темой цикла была тема утраченной, но бессмертной любви. Она возникла из горечи личной утраты — смерти жены, но позднее из темы воспоминания о земной любви-страсти трансформировалась в размышления о сути Любви Небесной.

Алексей Ремизов прошел долгий и непростой путь в своем отношении к Богу и миру. После периода бессознательно, органично воспринятой веры у него был период бунта, неприятия Бога, допускающего торжество Зла. В дальнейшем он заново искал пути к Богу, и на этой дороге спутниками Ремизова стали вечные сочувственники страдающему миру — Божия Матерь и Св. Николай Чудотворец. Постепенно писатель пришел к приятию и «оправданию Добра» — Бога, судящего человека, которого Он же наделил свободой воли. Последней книгой писателя, опубликованной незадолго до его смерти, была «Круг счастья. Книга о царе Соломоне» (1957). Она повествовала о судьбе знаменитого библейского мудреца, испытавшего и тяжелое детство, и страстную любовь, и моменты торжества и славы, и горечь изгнания. Эта финальная книга-парабола была символическим размышлением писателя о коловращении своей судьбы и заканчивалась спокойным приятием всего совершившегося.

Одним из последних авторских апокрифов Ремизова стала его дневниковая запись 1951 г.: «В последний путь — конца дороги не вижу и только знаю, там где-то по пути будет калитка — сад — деревья — книги. Войду, конечно, а назад — стена зеленая в небо — »¹.

А. М. Грачева

---

¹ РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 6. Ед. хр. 65. Л. 27.